

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В статье рассматриваются основные параметры европейского влияния на современные российские партии. Анализ идет по следующим критериям: институционализация, проблемная ориентация, характер социальной поддержки, организация, автономия, согласованность, вовлеченность, стратегия и тактика, правительственный статус. Рассматриваются факторы, влияющие на становление партий и их типы.

Ключевые слова: партии, Россия, Европа, типы партий, партийная система.

Российское законодательство нормативно закрепляет название «партия» только за политическими организациями, соответствующими достаточно жестким критериям, и обязывает их участвовать в выборах: «Политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Политическая партия является видом общественной организации как организационно-правовой формы юридических лиц (п. 3 ст. 50 Гражданского кодекса РФ)»¹. Реформа 2012 г. привела к существенному, но формальному росту числа партий и к развитию «мелкопартийности» (в октябре 2015 г. было зарегистрировано 78 политических партий²). При этом только 14 из них имеют право участвовать в выборах без сбора подписей избирателей³.

Основные характеристики российских партий в сравнении с европейскими

Для анализа деятельности европейских партий традиционно используются следующие понятия: институционализация; идеологическая или проблемная ориентация; характер социальной поддержки; внутренние организационные характеристики; уровень автономии; согласованность; вовлеченность; характеристики стратегии и тактики и правительственный статус⁴. Используя их, рассмотрим российские партии.

Институционализация характеризует процесс приобретения партиями устойчивости и политической значимости. В российском случае мы можем говорить о максимальной институционализации партий, участвовавших в выборах с 1993 г.: «Коммунистической партии Российской Федерации» (далее – КПРФ) с неизменным лидером Г. Зюгановым и «Либерально-демократической партии России» (далее – ЛДПР), возглавляемой В. Жириновским. Первая пережила ряд расколов и «чисток» в Москве и Санкт-Петербурге. Из ЛДПР ушли многие известные политики. Но устойчивости этих партий и стабильным результатам на выборах это не повредило. Более чем двадцатилетний стаж деятельности и у партии ЯБЛОКО, сохранившей, несмотря на смену лидера, оппозиционную программтику, но не имеющую с 2003 года представительства в федеральном парламенте. Об относительной институционализации можно говорить и в отношении парламентской партии «Справедливая Россия» (далее – СР), учрежденной значительно позже и имеющей парламентское представительство с 2007 г. Партия «Единая Россия» (далее – ЕР) хотя и представлена в парламенте с 1999 г. и возглавлялась президентом и премьер-министром – неустойчивая искусственная конструкция, так как целиком зависима от бюрократического аппарата в центре и регионах. После последнего электорального цикла (2011–2012 гг.) у нее есть дублер в виде Общероссийского народного фронта (далее – ОНФ). В отношении остальных партий, особенно образованных после либерализации партийного законодательства, говорить даже о минимальной институционализации не приходится.

Идеологическая и/или проблемная ориентация может характеризоваться в разной системе координат: от наиболее известной лево-правой шкалы до многомерной, учитывающей существование так называемых «мировоззренческих», проблемно-ориентированных партий. М. Дюверже рассматривал основные идеологические типы партий: коммунистические, социалистические, центристские,

консервативные и фашистские как «отрезки» право-левой шкалы⁵. Традиционные партии постепенно деидеологизировались, превращаясь в универсальные организации, в то же время появились новые основания для их дифференциации, главные из которых связаны с «постматериалистическими», мировоззренческими ценностями леволибертарианских партий. Помимо этого, существуют еще и проблемно-ориентированные партии, также отражающие определенные воззрения в отношении конкретных проблем (экологических, феминистских, антиевропейских и т. д.).

В России в последнее время в силу российско-украинского конфликта и консервативного антизападного поворота отчетливо виден идеологический раскол, обозначаемый в блогосфере хэштегом «#крымнаш». Образовались два лагеря: поддерживающие и не поддерживающие внешнюю и внутреннюю политику Кремля партии. В первой группе – все парламентские и большинство непарламентских партий, во второй – ЯБЛОКО, «Партия народной свободы» (далее – ПАРНАС) и часть неформальных националистических партий⁶.

Характер социальной поддержки (поддержка партии определенной социальной группой и/или группами, представительство интересов этой группы и/или групп). В условиях превращения выборов в значительной степени в имитационную процедуру, использования административного ресурса и фальсификаций, сложно с точностью определить характер социальной поддержки партий, можно говорить только об определенных тенденциях, отражающихся в результатах социологических исследований⁷. Судя по этим данным, можно выделить отчетливо очерченные группы в отношении некоторых партий: за ЕР голосуют бюджетники и чиновники, за КПРФ – пенсионеры, за ЛДПР – молодые мужчины с низким уровнем образования из малых городов, за ЯБЛОКО – высокообразованные жители столиц и крупных городов.

Внутренние организационные характеристики: устойчивость, структура, степень централизации/децентрализации, уровень сплоченности и согласованности действий структурных подразделений партии. В России внутренняя структура и степень централизации партий во многом определена законодательством: партии должны иметь численность не менее пятисот человек и региональные отделения более чем в половине субъектов Федерации, существование иных подразделений регулируется уставами партий⁸. Впрочем, различия остаются весьма существенными. Имеет смысл анализировать только в значительной степени институционализированные партии, так как часть вновь образованных являются политтехнологическими проектами и партиями-спойлерами. Наиболее

централизованная и иерархичная партия – ЛДПР, лидер которой может единолично смещать с поста представителей руководства или снимать с регистрации региональную организацию. Исключительно централизована и зависима от решений извне (из Администрации Президента РФ) – ЕР, несмотря на наличие нескольких руководящих органов с большой численностью. В КПРФ действует, как и в ее предшественнице советского времени – КПСС, принцип демократического централизма. СР тоже в значительной степени централизованная партия. Аналогичная ситуация наблюдается и в действующих непарламентских партиях: националистической «Родине» и «Коммунистах России». Несколько утрируя, можно сказать, что, по советскому образцу, в партиях действуют свои «политбюро» и «Генеральный секретарь». Их внутреннее устройство – иллюстрация к «железному закону олигархии» Р. Михельса⁹. Наиболее демократично устроены либеральные партии – ЯБЛОКО и ПАРНАС, но и здесь есть неформальные механизмы, в значительной степени предопределяющие принятие решений в зависимости от позиции руководства.

Уровень автономии от других организаций и институтов, действующих внутри страны или за ее пределами (в том числе объемы финансовых и человеческих ресурсов, зависимость при принятии решений от органов власти или зарубежных организаций). Важную роль играет и государственное финансирование, увеличивающее разрыв между лидерами и активистами и способствующее в целом изменению природы партий. Важен и вопрос коалиций и межпартийного сотрудничества.

В условиях российской системы уровень автономии у парламентских и лояльных непарламентских партий минимален, они зависимы от решений, принимаемых в Администрации Президента РФ, и действуют, за редким исключением, в соответствии с ними, получая дивиденды в виде депутатских мандатов разного уровня и государственного финансирования. Реальная оппозиция либо не зарегистрирована и действует в зоне неформальности, либо балансирует на грани запрета и преследований активистов (как ЯБЛОКО и ПАРНАС). Российское законодательство не допускает коалиций, не позволяет образовывать блоки на выборах и баллотироваться членам одной партии по спискам другой. Взаимодействие может иметь только неформальный характер: на акциях поддержки власти (например, шествия в поддержку присоединения Крыма) или на протестных акциях.

Согласованность определяет степень соответствия между уставками и поведением членов партии. Ее характеристиками выступа-

ют уровень согласованности при голосованиях, наличие внутрипартийных фракций, а также уровень сплоченности сторонников партии.

Российские парламентские партии голосуют обычно согласованно, причем не только в рамках фракций. Редкие голоса КПРФ или СР «против» (особенно по законам, связанным с социальной поддержкой граждан) не меняют ситуацию. Внутрипартийные фракции – исключение. В ЕР были созданы партийные клубы: либеральный, консервативный и социальный. Фракции, закрепленные уставом партии, существуют с 2006 г. в ЯБЛОКЕ. Тогда ряду движений не удалось из-за требования к численности в 50 тыс. человек зарегистрировать собственные партии, и они вступили в партию на правах фракций, получив определенные гарантии участия в принятии решений (правозащитная, «Зеленая Россия», гендерная и др.).

Вовлеченность характеризует отношения партии с ее членами и сторонниками, глубину идентификации их с партией, стремление участвовать в партийной работе и стимулы для этого со стороны членов партии, строгость требований к членам со стороны самой партии. Российские партии сейчас очень сильно различаются по этой характеристике. К подавляющему большинству новых, после 2012 г. зарегистрированных партий она неприменима, т. к. никаких следов их деятельности, кроме регистрационной записи, не наблюдается. Это же касается политтехнологических партий и партий-спойлеров, практикующих работу членов за вознаграждение. Самые высокие показатели по всем названным параметрам у КПРФ, доставшиеся в наследство от КПСС: жесткие требования при приеме, участие в публичных акциях и обязательных партийных собраниях, идентификация с партией. Меньшей вовлеченностью отличаются члены ЕР, для которых участие в партийных мероприятиях – стимул, а в уличных акциях по поддержке власти – обязанность. После массовых приемов, в том числе и принудительных на рубеже 2000-х гг., в ЕР прошли массовые чистки. Но при этом членство в партии обязательно (за редким исключением) для чиновников высшего уровня и представителей крупного бизнеса, аффилированного с государственным структурами. Сходные показатели (но на менее низком уровне) у СР – слабого административного партнера ЕР. Высокий уровень вовлеченности, основанный на финансовом и нефинансовом стимулировании в ЛДПР, выстроенной на принципах эффективного менеджмента. Противоречивы эти характеристики у ЯБЛОКА и ПАРНАСА: легкость вступления и минимальные требования к членам порождают частые внутрипартийные конфликты. При этом участие в акциях добровольное.

Стратегия и тактика – состязательная, предполагающая участие в выборах для системных партий, или подрывная – для антисистемных партий. Партии стремятся к приобретению должностей и проведению определенной политики, при этом на поведение соревновательных партий влияют институциональные характеристики, а антисистемные партии, руководствующиеся вначале подрывными стратегиями, встраиваются в систему, рискуя потерей электората.

Российские антисистемные партии стремились к встраиванию в партийную систему, однако ни одной из них это до сих пор не удалось, и часть продолжает существование в качестве неформальных объединений (как в национал-патриотической и коммунистической, так и в либеральной части спектра: «Русские», «Другая Россия», «Солидарность», Либертарианская партия, «Партия прогресса» и др.). Власть предпочитает регистрировать политтехнологические проекты и партии-спойлеры, но не политически активные реальные группы.

Правительственный статус – степень участия партии в общенациональной политике (электоральный успех, влияние на формирование правительства или участие в его работе).

В российских условиях правительственный статус партии определяется не электоральными результатами, а решениями, принятыми Администрацией Президента РФ. Министры, их замы, губернаторы и мэры, как правило, члены ЕР, это видимый показатель их лояльности. Несколько счетных исключений – не членов ЕР или членов других партий (ЛДПР – Алексей Островский в Смоленской области, КПРФ – Сергей Левченко в Иркутской области или Николай Виноградов – во Владимирской области с 2000 по 2013 г.) в должностях губернаторов и мэров или во главе федерального агентства (Игорь Артемьев – глава Федеральной антимонопольной службы) общего правила не меняют.

Типология партий в Европе и в России

История становления европейских партий включает четыре основные стадии: до 1918 г. – период партий элитных, имевших характер кружков; с 1918 до конца 1950-х гг. – время массовых партий; с конца 1950 – начала 1960-х гг. появление народных партий; в конце 1970-х гг. – период профессионализованных партий избирателей (картельных); в 1980-е гг. – формирование партий нового типа: мировоззренческих и проблемно-ориентированных.

Понятно, что границы этих периодов и «доминирующих типов» партий условны, в пограничные периоды присутствуют и старые и новые типы партий одновременно. Каждый тип партий существует в определенном историческом контексте, к которому он приспосабливается. Но и само это приспособление изменяет контекст и связано с кризисами и противоречиями.

На каждом из этих этапов происходит изменение основных характеристик партий: главного принципа репрезентации (представительства) – отношения депутатов и руководителей партии к партийной массе; наиболее важных целей партии в отношении политической системы и режима; квалификационных характеристик партийной элиты; структуры членства; особенностей проведения избирательных кампаний; принципов финансирования; характера отношений со средствами массовой информации.

Уже в конце XX в. новый политический класс политиков-профессионалов, «местом работы» которых является партия, получает минимально необходимую «страховочную» финансовую поддержку от государства. Связь между партией и ее избирателями становится менее интенсивной, при этом образуются прямые коммуникационные каналы между избирателями и партийными лидерами. Эти изменения во многом обусловлены контекстом постиндустриального, постмодернистского общественного развития, новыми системами коммуникаций и сильной дифференциацией социальных групп и их интересов. Немаловажное значение имеет и развитие форм прямой демократии – от референдумов до систем петиций, с одной стороны, и роста числа разнообразных гражданских инициатив – с другой. Увеличивается роль социальных сетей, усиливая эту тенденцию. В Европе параллельно процессу интеграции происходят и изменения национальных партийных систем в сторону их выравнивания, которые усиливаются через фракционное представительство в Европейском парламенте.

В подавляющем большинстве случаев трансформации, в том числе и в бывших странах социалистического лагеря Центральной Европы, уже на вторых после учредительных выборах происходила консолидация и стабилизация партийной системы.

Известный немецкий политолог В. Меркель выделяет пять факторов, оказывающих ключевое воздействие на конфигурацию партийной системы¹⁰:

1. Характер трансформационного конфликта. Он определяет, как проходил трансформационный конфликт – как пакт, заключенный элитами, или как коллапс старого режима под давлением масс – и какую роль играли элиты старого режима.

В российском случае мы имеем дело с размытой границей между этапами либерализации и демократизации, когда учредительные выборы и принятие Конституции не были началом изменения политической системы, и с последующим постепенным отказом от демократических институтов, превратившихся во многом в имитации, их «порчей» (по определению В. Гельмана¹¹).

2. Наличие «исторических» партийных систем. Речь идет об известных еще до имплементации автократического режима партийных системах, а также партиях, существовавших наряду с правящей партией как партии-сателлиты.

В России разрыв между первыми опытами построения партийных систем в начале XX в. и их воссоздания после краха социалистической однопартийной системы был слишком долгим. Предпринимаемые попытки создания протопартий по старому российскому образцу во время перестройки оказались неудачными. Партийная система стала строиться преимущественно по образцам европейским.

3. Влияние важнейших политических институтов. Институты, возникшие в результате сознательных или неосознанных действий в области экономики, культуры или политики, влияют на политических акторов, организации, стратегии и действия. Российский президенциализм снижает роль непрезидентских партий, отводя им роль сателлитов. Чем большую роль играл президент, тем слабее становился лагерь оппозиции. После присоединения Крыма и антизападного поворота внешней политики позиции парламентской оппозиции стали неотличимы от правящей партии, а непарламентская оппозиция оказалась маргинализированной.

4. Наличие традиций клиентелизма. Клиентелизм теряет влияние на структуру, механизмы коммуникации и состоятельность партий по мере увеличения социально-экономической модернизации.

Традиции клиентелизма и патернализма в России чрезвычайно сильны и существуют как в самих партиях, так и в форме патронирования их со стороны Администрации Президента. Аналогичные отношения партии и региональной исполнительной власти складываются в субъектах Федерации. Сильны элементы клиентелизма даже в формально демократических партиях, уставы которых предусматривают демократический контроль.

5. Влияние социетальных расколов. Если эти конфликтные линии (в соответствии с концепцией С. Липсета и С. Роккана, впоследствии развитой многими исследователями¹²) распознаются элитой и используются в качестве основы для политических действий, увеличивается вероятность их «замораживания» и консолидации партийной системы.

Для российских партий важную роль играет конфликт труд – капитал. К оси «труд» относится целый ряд сейчас существующих социалистических и коммунистических партий, наиболее известные из них (по степени уменьшения «левизны»): «Коммунисты России», Коммунистическая партия социальной справедливости (далее – КПСС), КПрФ и СР. Большая часть остальных партий относится к оси «капитал». Различия между рыночным либерализмом – градуализмом хорошо иллюстрируют постоянные споры между социально-либеральной партией ЯБЛОКО и Союзом правых сил (далее – СПС), основанной реформаторами Е. Гайдаром и А. Чубайсом, и теперь ее наследницей – ПАРНАС. Провести такой анализ ЕР затруднительно: ее клубы призваны воспроизвести весь идеологический спектр.

Г. Китчелт сконструировал три (идеальных) типа восточно-европейских партий в период перехода от демократизации к консолидированной демократии¹³. Применим идеально-типические критерии Китчелта для оценки наиболее значимых зарегистрированных российских партий.

Программные партии связаны с существующими конфликтными линиями и имеют идеологическую и/или мировоззренческую основу, которая зачастую отражает интересы определенного слоя населения. К этому типу партий в России можно отнести КПрФ, ЯБЛОКО, уже прекративший свое существование СПС и созданная отчасти на его базе ПАРНАС.

Харизматические партии, идентичность которых определяется лидером и почти не затрагивает содержательную составляющую политики. Лидер такой партии получает от избирателей «карт-бланш», а избиратели не могут рассчитать последствия проводимых им политических курсов. К этому типу партий относится ЛДПР, отчасти – ЯБЛОКО в период председательства Г. Явлинского (до середины 2008 г.).

Клиентелистские партии препятствуют консолидации демократии, пропагандируя общезначимые блага, а на практике заботятся об обеспечении исключительно своей клиентелы – группы своих избирателей посредством распределения различного рода ресурсов: субвенций, налоговых льгот, рабочих мест, социальных благ.

Харизматические и клиентелистские характеристики в российском спектре сочетает ЛДПР, напоминающая бизнес-группу. «Лейблом» и движущей силой партии всегда выступал ее бессменный лидер В. Жириновский. Вне зависимости от провозглашаемых лозунгов, при голосовании на протяжении всей своей истории партия всегда поддерживала правящую группу. К типу клиентелист-

ских можно отнести и СР, претендующую на роль оппозиции, но возглавляемую долгое время одним из должностных лиц государства, председателем Совета Федерации С. Мироновым и поддерживающую курс Президента и Правительства РФ.

Можно предложить иную типологию, основанную на взаимодействии партий с органами власти, оказывающем воздействие и на их организационные характеристики. Можно назвать два основных типа: административные, создающиеся «сверху» и обеспечивающие интересы бюрократии, и гражданские, «вырастающие» снизу и представляющие интересы общества.

Административные партии играют в настоящее время главную роль в политической системе России. По ряду показателей административные партии сравнимы с европейскими картельными партиями. К ним предъявляются требования максимальной профессионализации и ресурсоемкости. Они становятся партиями менеджеров, набирающими с помощью медийных кампаний голоса избирателей, и имеют сильные позиции в государственных институтах. Отличие же состоит в том, что они не выполняют контрольных функций, как европейские партии, из-за отсутствия оппозиции, обладающей тем же статусом.

Программно российские административные партии не имеют кардинальных различий. Но если в европейских партиях эта схожесть основана на наличии конституционного консенсуса в отношении базовых политических ценностей, то в России она обеспечивается поддержкой главенствующего политического курса, что иллюстрируют позиции и практические действия всех партий, представленных в Государственной Думе РФ: ЕР, СР, КПРФ и ЛДПР (особенно в период после присоединения Крыма). Именно поэтому граница между ними обозначается лишь названиями, лидерами и стилистикой поведения. При этом важно отметить, что КПРФ, возникшая на восстановительном съезде 1992 г. как гражданская оппозиционная партия, к 2011 г. приобрела черты административной.

В программах административных партий прослеживается отказ от идеологической компоненты. Укрепляются позиции партийного руководства и снижается роль обычных членов партии. Они не связывают себя с определенным классом или конфессией и стремятся укрепить отношения с различными группами интересов (характерно, например, заключение официальных договоров между ЕР и РСПП, «Деловой Россией», «Опорой России» и ФНПР). В административных партиях, как и в европейских картельных, наблюдается все увеличивающийся разрыв между партийными руководителями и партийной массой.

Численность партий до изменения законодательства в 2012 г. не сокращалась, а, наоборот, увеличивалась. Структура их членства существенно отличалась от партий картельных и даже народных. Она была сходна со структурой партий массовых: обязательное фиксированное членство и привязка к структурному подразделению партии.

Все партии этого типа поддерживают политическую систему и режим вне зависимости от их собственных структурных изменений, будь то образование клубов в ЕР или «слияние» «Партии жизни», «Партии пенсионеров» и «Родины» в СР. Более того, эта поддержка является главным условием возможности их существования.

В отличие от европейских партий, квалификационные характеристики партийной элиты имеют для них второстепенное значение. Более того, за некоторыми исключениями происходит скорее так называемый «негативный отбор». Яркие лидеры «противоположены» структурам такого типа, так как могут снизить их управляемость.

Российские партии, как и европейские, становятся государствообразующим элементом и получают прямое и не прямое (например, создание приемных) финансирование от государства, уровень которого постоянно повышается.

Таким образом, административные партии отличаются от европейских и по главным задачам. Они являются инструментом правящей элиты и должны стабилизировать существующую политическую систему и укреплять режим.

У гражданских оппозиционных партий, все больше отодвигаемых на периферию политического процесса, характеристики иные.

Во-первых, они минимально представлены в институтах государственной власти и почти не влияют на политические курсы. Из-за отсутствия каналов трансляции их позиции (отсутствие доступа к влиятельным СМИ) контрольные функции они также выполнять не могут.

Во-вторых, отличия их программных позиций в отношении политического курса и режима в целом можно сравнивать с базовыми политическими различиями, существовавшими в Западной Европе во времена массовых партий. Им свойственны практически альтернативные представления о путях развития страны.

В-третьих, руководство этих партий, как и массовых, опирается на членов, партийные массы, выполняя функции социального патронажа, и ищет союзников среди определенных слоев населения и организаций, их представляющих. В этих условиях учет мнен-

ния рядовых членов партии или хотя бы создание видимости этого существенно ограничивает поле маневра для партийного руководства. Примером могут быть дискуссии в КПРФ об отношении к радикальным левым или в ЯБЛОКЕ – об отношении к «Солидарности» и ПАРНАС или о возможности вхождения в «надпартийные объединения» с участием националистов и сталинистов: Национальную Ассамблею, «Другую Россию» и др.

В-четвертых, оппозиционные партии ориентированы на повышение квалификационных характеристик партийной элиты, которая могла бы использовать инновационные методы.

В-пятых, не имея доступа к федеральными СМИ, оппозиционные партии вынуждены одновременно использовать как относительно архаичные методы (партийная пресса), так и современные, развивая собственные интернет-ресурсы, активизируя участие своих членов в сети.

Итак, российские партии формировались, включая их институциональную основу, под влиянием европейских партий, имеют ряд общих черт с ними и все теснее взаимодействуют с международными и европейскими партийными семьями. Этому движению в европейском направлении, очевидно, не мешает то, что административные партии превращаются исключительно в инструмент самоорганизации правящей элитной группы, реализация интересов которой практически не зависит от воли граждан, а оппозиционные – вытесняются с политического поля и маргинализируются.

Можно предположить, что в ходе неизбежной политической либерализации российские партии будут еще больше сближаться с европейскими – в идеологии, программатике и алгоритмах взаимодействия с партиями европейскими.

Примечания

- ¹ Список зарегистрированных политических партий // Министерство юстиции РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 6.11.2015)
- ² Политические партии России // ЦИК РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://cikrf.ru/politparty/index.html> (дата обращения: 6.11.2015)
- ³ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 6.11.2015)

- ⁴ См., например: *Janda K.* Political parties: A Cross-National Survey. N.Y., 1980; *Katz R., Mair P.* How parties organize? L.: Sage, 1994; *Panbianco A.* Political parties: Organization and power. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
- ⁵ См.: *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, 2007.
- ⁶ *Коргунок Ю.Г., Грачев М.Н.* Партийная реформа и изменения в структуре партийных размежеваний // Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 гг.: предпосылки, предварительные итоги, тенденции. М.: Товарищество научных изданий «КМК», 2015. С. 106–143.
- ⁷ См., например: Партии // Левада-Центр. [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/tag/partii/> (дата обращения: 6.11.2015)
- ⁸ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 6.11.2015)
- ⁹ См.: *Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of the Modern Democracy. N.Y., 1915.
- ¹⁰ *Merkel W.* Systemtransformation. Opladen: Leske + Budrich, 1999. P. 119–170.
- ¹¹ *Гельман В.* «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Политика. № 2(57). 2010. С. 6–24.
- ¹² См: *Karvonen L., Kuhn S.* Party systems and Voter Alignments Revisited. L.: Routledge, 2001.
- ¹³ Там же.